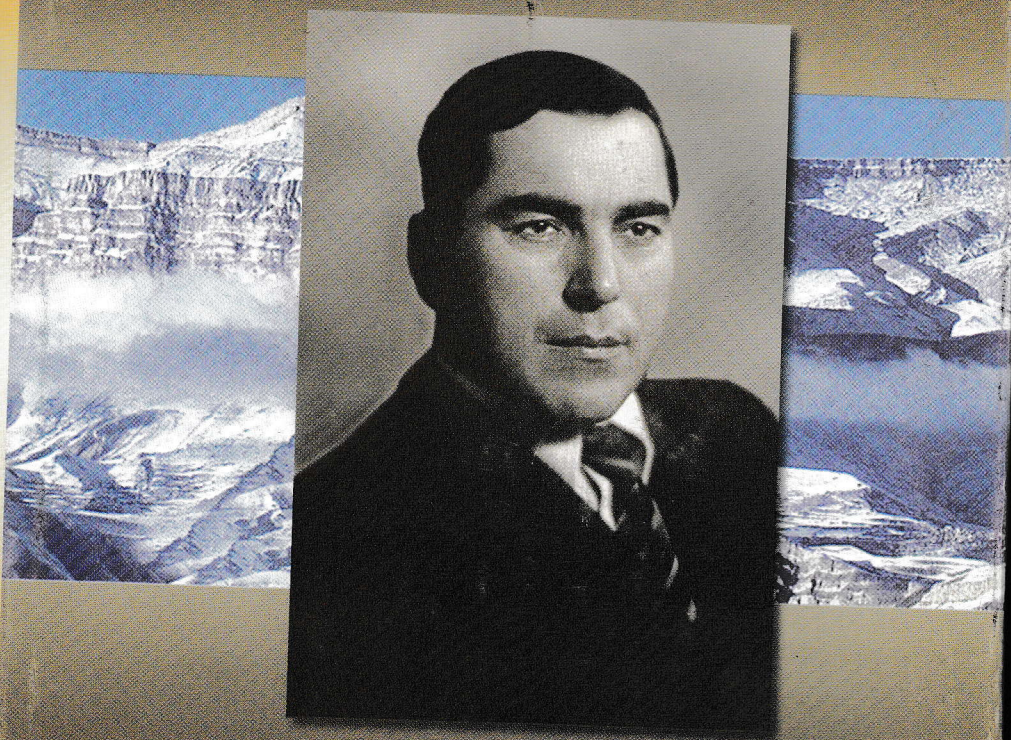


АБДУРАХМАН ДАНИЯЛОВ



УЧЕНЫЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННЫЙ
ДЕЯТЕЛЬ
ДАГЕСТАНА

**АБДУРАХМАН ДАНИЯЛОВ –
УЧЕНЫЙ,
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННЫЙ
ДЕЯТЕЛЬ ДАГЕСТАНА**



ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮПИТЕР»
МАХАЧКАЛА 2000

ББК 63,3 (2Р-6Д)

А 13

А 13 **Абдурахман Даниялов - ученый, государственный и общественный деятель Дагестана.** (Документы, фотографии, воспоминания его и о нем). Издательство «Юпитер». Махачкала, 2000. - 464 с.

Редакционная коллегия: *М.Д. Бутаев, Г.-А.Д. Даниялов, Г.И. Какагасанов, А.И. Османов* (ответственный редактор).

Составители: *М.Д. Бутаев, Г.И. Какагасанов, Р.И. Джамбулатова.*

В сборник включены документы и воспоминания о видном государственном и общественном деятеле Абдурахмане Даниялове (1908-1981), работавшем в 1940-1948 годах Председателем Совнаркома (Совета Министров) Дагестанской АССР, в 1948-1967 годах - первым секретарем Дагестанского обкома партии, в 1968-1971 годах - Председателем Президиума Верховного Совета ДАССР, внесшего большой вклад в дело укрепления обороны страны, дружбы народов, росту экономики и культуры народов многонациональной республики. В него вошли воспоминания сослуживцев, друзей и товарищей, долгое время проработавших с ним и близко знавших его, и его воспоминания.

Издание книги посвящено памяти А.Д. Даниялова и рассчитано на широкий круг читателей.

ББК 63,3 (2Р-6Д)

ISBN 5-7895-0089-7

© Издательство «Юпитер», 2000 г.

ряде мест Дагестана действовали сознательно сколоченные банд-группы, которые грабили, убивали, терроризировали актив, сеяли панику и ждали падения Советской власти. Бандитами был убит первый секретарь Хасавюртовского райкома ВКП (б) Лукин, в Каякентских лесах укрывалась наиболее опасная бандгруппа, которую возглавил бывший председатель райисполкома дезертир Ильясов. Он был молодой, энергичный, грамотный, с княжескими замашками и суровым характером, опасный враг Советской власти. Убит он был, попав в засаду, устроенную в его доме в Башли.

Одиночные бандиты, действовавшие в Хаджал-Махи, в Сергокалинском районе, серьезно мешали работе местных органов власти. Дело дошло до того, что первый секретарь Сергокалинского РК и председатель РИК сговорились и имитировали нападение бандитов. Эта провокация была раскрыта, оба руководителя исключены из партии и осуждены. Дезертирами была ограблена и убита жена секретаря Унцукульского РК ВКП (б), моего брата Г.-А. Даниялова - Кусум, молодая энергичная горянка. Что же касается Дагестана в целом, то его народы на 99,9% от начала до конца войны на фронтах и в тылу беззаветно боролись за Советскую власть, вместе с русским и другими народами приближали нашу победу над черными силами фашизма.

Схема работы в 1940-1945 годах и вопросы, которые мы решали тогда, были многообразными. Вот их краткий перечень:

1. Работа промышленности и транспорта.
2. Дела колхозно-совхозные.
3. Торговля и общепит.
4. Наука, культура, просвещение.
5. Строительство оборонительных рубежей.
6. Патриотическое движение:
 - а) сбор средств в фонд обороны;
 - б) строительство бронепоездов;
 - в) сбор теплых вещей для армии;
 - г) шефские связи с действующей армией;
 - д) связи с фронтовиками, письма, листовки;
 - е) дагестанцы на фронтах Отечественной войны.

В решении этих и других вопросов военного времени очень сильно помог Азиз Мамедович Алиев, который в сентябре 1942

года приехал из Азербайджана и стал первым секретарем Дагестанского обкома ВКП (б). Он оказался человеком, который всецело доверял дагестанскому народу, полностью опирался на местный актив. Восстановил, создал в парторганизации республики атмосферу сплоченности, дружбы и творчества.

А.М.Алиев, доктор медицинских наук, работал до Дагестана секретарем ЦК ВКП (б) и в Дагестан приехал по рекомендации первого секретаря ЦК АзКП, члена Военного совета Закавказья Л.Багирова по направлению ЦК ВКП(б). Он был в военной форме в чине полковника, но по приезде форму сменил на гражданскую одежду. Симпатичный, веселого нрава, скромный, терпеливый Алиев отличался развитым чувством ответственности, человеколюбием, теплотой и уравновешенностью. В первые месяцы работы в обкоме Азиз Мамедович изучал обстановку, характер и обычаи дагестанцев.

Он целиком доверял, поддерживал меня. Выезжали вместе в города и районы, проводили собрания и совещания, и здесь, как и на бюро обкома, Азиз давал желающим говорить, последнее слово давал мне, сам заключал и прямо говорил: «Я полностью согласен, поддерживаю А. Даниялова» и дальше развивал свои мысли. У Азиза я научился многому, и в первую очередь терпеливо и до конца выслушивать товарищей, не пользоваться своим высоким положением, превосходством своих знаний и навыков, в обращении с подчиненными не унижать достоинства работника, глубоко вникать в суть дела, не рубить сплеча. Очень и очень легко было с ним работать и общаться, ему были чужды элементы зазнайства, самовосхваления. Он не был «сухарем», любил смешить и смеяться.

Два примера. Жена Алиева Лейла-ханум была старше его по возрасту и довольно полная женщина. Азиз любил подтрунивать над ней, она не обижалась. Однажды Азиз ехал во время путины по рыбным промыслам и взял с собой Лейлу-ханум по ее настоянию. Подъехав к промыслу Караман № 4, Азиз вышел из машины, поздоровавшись с руководством промысла, представил им Лейлу-ханум и сказал: «К нам приехал министр рыбной промышленности, доложите ей обстановку». Эта шутка вскоре обошла все промыслы.

Однажды в Москве, это уже было после войны, наше пребывание на сессии Верховного Совета совпало с приездом туда зам.

министра здравоохранения ДАССР О. Барояна. Зная неравнодушные последнего к женскому полу, во время обеда в номере Азиз решил подшутить над ним: поручил своей дочери Зарифе позвонить и назначить свидание Барояну. Так и было сделано. Бароян сказал, что он будет в кителе с орденом Красной Звезды в вестибюле гостиницы «Москва» в 7 часов вечера встречать незнакомку. В назначенный час мы - Азиз, Зарифа Адиль-Герей Тахтаров и я спустились и со второго этажа стали наблюдать.

Бароян пришел раньше срока и, подходя к каждой молодой одинокой женщине, выпячивал грудь с орденом. Мы падали со смеха, наконец Азиз громко крикнул «Оник! Она раздумала». Затем пригласили Барояна и вместе пошли ужинать.

В напряженный, трудный период работы Алиев находил повод, чтобы дать разрядку коллективу, подбодрить товарищей.

Вместе с Алиевым из Азербайджана приехали еще 16 коммунистов, в том числе ставшие: вторым секретарем обкома ВКП (б) Аршавир Агабабов, первым заместителем Председателя Совнаркома ДАССР Тихон Иванович Рихирев, секретарями Дербентского горкома партии Мамедов, Касумкентского РК ВКП (б) Багиров (однофамилец), завотделом пропаганды обкома Салам Айдинбеков. Все эти товарищи впоследствии оставили Дагестан, одни по своей воле, другие были вынуждены.

С приближением фронта к Дагестану мы оказались отрезанными от Москвы; связь, которая после взятия фашистами Ростова осуществлялась через Сталинград, тоже оказалась прерванной летом 1942 года. Говоря о связи с Москвой, вспоминаю один случай: зимой 1941 года мне пришлось ехать в Москву для утверждения бюджета и нархозплана. Ехал со мной помощник Исай Романович Нахшунов, горский еврей по национальности, эрудированный, трудолюбивый, скромный коммунист. Железнодорожной связи с Москвой не было, самолеты из Махачкалы в Москву тогда не летали. Мы поехали поездом в Баку, оттуда самолетом Баку-Астрахань-Саратов-Козлов, затем до Москвы поездом добирались 10 суток.

Помню, в Саратов мы прилетели ночью, была пурга, в ту ночь на аэродроме в Саратове потерпела аварию и погибла известная летчица Раскова. Когда на 2-й или 3-й день вылетали из Саратова, пурга сопровождала нас всю дорогу. Самолет приземлился

вечером в каком-то городе в яростную снежную бурю. Помню свои слова, обращенные к Нахшунову при выходе из самолета: «Если в этой поездке не умрем, я буду долго жить». От самолета до аэропорта мы добирались буквально ползком - ветер налил с ног. В этой поездке, в гостинице «Москва», впервые мне пришлось испытать воздушную тревогу, в один из налетов вражеские бомбардировщики сбросили бомбы на МОГЭС.

С начала 1942 года в Дагестан частенько начал наведываться член Военсовета Закфронта Багиров, для ознакомления с дислоцированной на линии Буйнакск-Кизилюрт Азербайджанской дивизией. Он мало общался с обкомом, в поездку брал меня. Я уже говорил, что в 1937 году впервые был на приеме у Багирова вместе с Сорокиным и Мамедбековым, и он произвел на меня большое впечатление. И теперь я старался с уважением относиться к нему, я присматривался, прислушивался к его беседам с руководством дивизии и солдатами—азербайджанцами. Помню несколько эпизодов, связанных с приездом Багирова.

Один раз, точную дату не помню, весной он приехал с какими-то военными, взял меня, и мы направились в Буйнакск. В садах Нижнего Казанища он выступил перед бойцами и сказал примерно следующее: «Идет жестокая война. Фашисты хотят поработить наш народ. Я призываю мужественно биться с врагом и с почетом вернуться домой, мы встретим вас как героев, а кто проявит трусость, пусть его проклинает народ, пусть материнское молоко ему будет харам (проклятие)». И Багиров пристал ко мне, чтобы и я сказал напутствие на азербайджанском языке, собравшие аплодисментами поддержали его. Мне ничего не оставалось, кроме как на ломаном, наполовину кумыкском, наполовину смешанном турецко-азербайджанском языке выполнить эту просьбу.

Другой раз Багиров, И.В.Тюленев (ком. Закфронта), Саджая (начальник особого отдела фронта) приехали на своих машинах, забрали меня и направились в район Кизилюрта, в расположение частей Азербайджанской дивизии. По дороге я сказал Тюленеву, что, как прифронтовая республика, мы отдали армии все трактора, машины и очень много лошадей, в горы не на чем возить продукты питания. Саджая говорит: «У нас в районе Кюрдамира имеется около ста негодных для армии лошадей, можем выделить их вам». Я поблагодарил его и Тюленова. В это время

Багиров предложил шоферу (а ехали мы вчетвером на его машине) остановить машину, слез и говорит:

«Езжайте сами, я с этим человеком (Саджая) не поеду» и пошел по дороге пешком. Мы втроем удивленно посмотрели друг на друга. Багиров прошел метров 20-30, возвратился, сел в машину и говорит: «Поехали. Я мобилизую все ресурсы для армии, а Саджая хочет наших лошадей отдать Дагестану. Я вернулся в машину из-за уважения к т. Даниялову». Я был не рад, что поднял этот вопрос. Тюленев успокоил Багирова, а Саджая извинился. Этот случай ясно показал мне «заботу» Багирова о горцах Дагестана, и, конечно, оставил тяжелый отпечаток в душе.

Доехав до расположения части и найдя командира дивизии, командующий фронтом стал расспрашивать, как идет обучение бойцов. Комдив отвечал на вопросы и, указав на приближавшуюся к нам группу красноармейцев, сказал: «Вот возвращается группа из разведки», а тем временем один из разведчиков весь в поту, задыхаясь, начал докладывать комдиву о разведке на едва понятном русском языке, но бодро и смело. Комдив обратился к разведчику: «Докладывай генералу армии», разведчик круто повернулся к генералу Тюленеву и начал: «Товарищ генерал-майор..» Тут ком. фронтом обнял разведчика, снял со своей руки и надел на руку солдата часы. Мы некоторое время находились в части и вернулись: я - в Махачкалу, они поехали в Баку.

Эта встреча и приезд Багирова вспоминается и еще одним эпизодом. Возвращаясь, Багиров завернул в гор. Дербент, поездил по улицам и остановился на площади перед горкомом. У подошедшего молодого человека спросил, кто секретарь горкома и попросил пригласить его (предварительно объяснив, что он-Багиров). Тот побежал и вернулся вместе с секретарем и здесь разыгралась такая сцена: Багиров: «Вы здесь секретарь горкома?» Ответ: «Да». Б.: «Как Ваша фамилия?» Ответ: «Остремский». Б.: «Так вот, Остремский, если через десять дней не наведете в городе идеальную чистоту, на этом самом месте собственноручно застрелю Вас». Заставил повторить. В это время собралась целая группа любопытных, подходит к Багирову Люкшин, старый член партии, мой помощник (уполномоченный обкома). Узнав, кто он и зачем в Дербенте, Багиров и ему говорит: «И Вас тоже застрелю». Придя в горком, Остремский упал в обморок.

Мы приняли эту выходку Багирова как его притязание на Дербент, но виду ему не подали. На этом инцидент закончился. Все это происходило до смены руководства обкома. Мое уважение и симпатия к Багирову были поколеблены, и все же я продолжал принимать его поведение как заботу о народностях Дагестана. Ведь он был член ЦК ВКП(б) и член Военного совета Закавказья.

Однажды, это было в 1943 году, после Тегеранской конференции глав государств антигитлеровской коалиции, Багиров при встрече передал мне разговор с И. В. Сталиным. Описав трудности, которые испытывал Дагестан, Багиров высказал мысль о передаче или присоединении республики к Азербайджану. И. В. Сталин спросил: «А как отнесутся дагестанцы к такому предложению?» Багиров ответил: «По-моему, неплохо». На этом разговор кончился. Я сказал Багирову, что надо посоветоваться с товарищами.

Слух об этих намерениях азербайджанского руководства быстро распространился среди актива, особенно после переброски большой группы активистов дагестанского и недагестанского происхождения на руководящую работу из Баку в Дагестан. В дальнейшем прямых контактов с Багировым на эту тему не было. Азиз Алиев инициативы не проявлял. Я же не придавал политического значения этому вопросу. Однажды у Председателя Президиума Верховного Совета ДАССР Адиль-Гереев Тахтарова на квартире был организован ужин по случаю приезда в Дагестан наркомздрава РСФСР. Среди гостей помимо других товарищей присутствовал начальник Ленинградской школы подплава контр-адмирал Скрыганов (школа была эвакуирована в Махачкалу). Произносились тосты за победу, пили, кушали и веселились. В один момент Скрыганов обратился ко мне по имени и отчеству и говорит: «Ты ориентируйся не на юг, а на север - на Москву». Эта реплика заставила меня всерьез осмыслить значение и политические последствия передачи Дагестана Азербайджану и утвердиться в отрицательном отношении к такому предложению. Когда в беседе с Азизом Алиевым я поднял этот вопрос, вопреки моим ожиданиям, он высказал резко отрицательное отношение к присоединению Дагестана к Азербайджану и пояснил:

«Сейчас мы прямо входим в ЦК ВКП (б), а в случае перехода в Азербайджан будем подчиняться Аз. ЦК. Кроме того, Кулиев не станет давать Дагестану больше денег, чем Совнарком РСФСР».

Эта беседа вызвала во мне еще большее уважение к А. Алиеву, и у нас сложились крепкие братские отношения. Алиев предстал как интернационалист, дальновидный политический деятель. Ведь Багиров наверняка перед направлением в Дагестан передал Алиеву содержание разговора с И. В. Сталиным и свое желание видеть Дагестан в составе Азербайджана. И все же Алиев устоял против воли Багирова, который был наделен большой властью не только в Азербайджане, но и в Закавказье и Дагестане как член ЦК ВКП(б) и член Военсовета Закавказья. Кроме того, мы искренне уважали и чтили Багирова как старшего авторитетного товарища - ведь после бури 1937-1938 годов один он уцелел на всем Кавказе.

Кроме того, мы считали искренно-добрыми намерения его по отношению к Дагестану, ставшему прифронтовым. Так продолжалось развитие отношений почти год. Однажды в период сессии Верховного Совета, поздно вечером, А. Алиев забрал Тахтарова и меня, и мы поехали к Багирову на квартиру по его приглашению. Он был навеселе и с ходу сказал примерно следующее: «Я только что обедал у Сталина на даче. Вопрос о передаче Дагестана Азербайджану в принципе решен. Напишите на имя Сталина записку с просьбой об этом». Мы посмотрели друг на друга. Алиев сказал, что мы обдумаем и завтра решим.

Приехав в гостиницу, мы договорились, что без решения хотя бы пленума обкома партии не можем писать такой записки и договорились, что А. Алиев скажет об этом Багирову. В какой форме, это было передано, я не знаю, но после этого Багиров затаил злобу и ненависть к А. Алиеву, ко мне и к Дагестану, что подтвердили последующие события. Багиров внешне сохранял ровное отношение к нам, но больше в Дагестане не появлялся на протяжении всех последующих лет войны. После окончания войны он начал методически мстить Алиеву, мне и заодно - Дагестану.

В 1948 году А. Алиев был направлен на курсы секретарей обкома и по их окончании утвержден инспектором ЦК ВКП(б). Однако Багиров, пообещав золотые горы, добился приезда А. Алиева в Азербайджан, вначале утвердил его зам. Предсовмина, а затем начал издеваться над ним: снял с работы, за что-то наказал и в конце концов послал на работу в систему Минздрава. Мне говорили, будто Багиров ссылался на анонимные письма из Дагестана на Алиева. Это, конечно, ложь, никто и ничего порочащего Азиза Алиева из Дагестана не написал. А мстить за

то, что не возбудили ходатайства о присоединении Дагестана к Азербайджану, по крайней мере, было подло. Если бы не эта травля и гонения, Алиев жил бы еще многие годы, принося добро советским людям.

На этом воспоминания Абдурахмана Даниялова обрываются.

Опубл. в кн.: Абдурахман Даниялов. Дагестан: время, судьбы. Махачкала, 1982 г.

О СВОЕМ ДЕТСТВЕ, О СОБЫТИЯХ В РОДНОМ СЕЛЕ РУГУДЖА В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (Публикуются впервые)

В эту ночь мы спали безмятежным детским сном в одной никогда не отапливаемой комнате. На окраине аула, на очарах шли разговоры о том, что аульская верхушка: барановоды, кадии и муллы ушли в горы, но никто толком не знал, почему и в какие горы эти люди ушли.

На рассвете раздались одиночные винтовочные выстрелы, и мы, кто в чем спал, высыпали на балкон. Первое, что мы увидели, была разношерстно одетая, кто в шубу, кто в полушубок, кто в черкеску толпа, показавшаяся на окраине и рассыпавшаяся по кособору перед аулом.

Стеля на ходу эти люди кричали: «Берегись алеройной». Это оказалась банда Гоцинского. Сравнявшись с нашим домом, направив на дедушку винтовки, двое бандитов угрожающе кричали: «В каком направлении ушли красноармейцы?». Ответ старика, что мы ничего не знаем и никого не видели, наши вопли, видимо, оказали воздействие, бандиты оставили нас и отправились дальше. Быстро одевшись, я побежал к аульскому озеру. Перед моим взором раскинулась страшная картина: расправа бандитов с красноармейцами. Прямо на дороге лежало несколько изрубленных трупов, совершенно голых. Около 40 человек, расквартировавшихся в ауле, частью в Цинибкалах засадой бандитов были истреблены. При этом был арестован Исмаил Абдуллаев, прозванный «Кекой», которого с группой уцелевших красноармейцев этапировали в Гуниб. На следующий день он



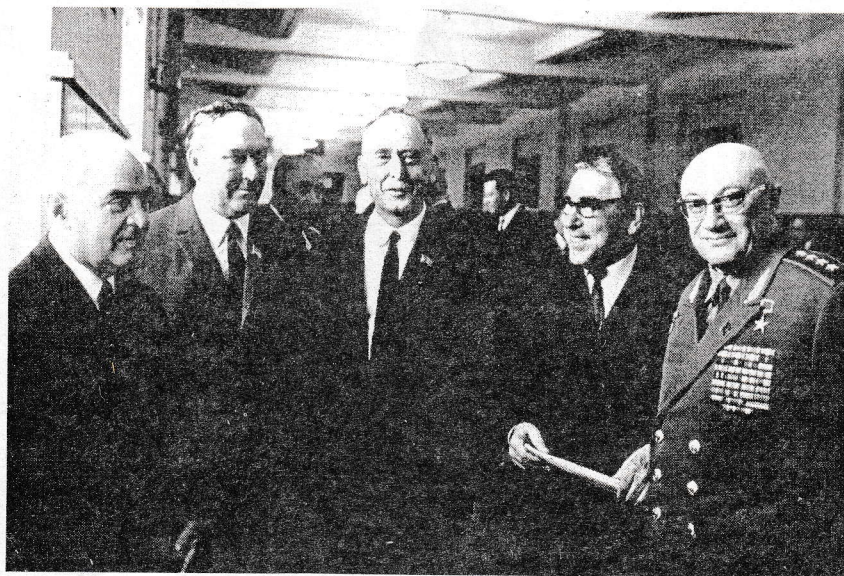
*С. Айдинбеков, А. Даниялов, А. Алиев, А. Тахтаров.
1948 г.*



*А. Тахтаров, А. Даниялов, А.Алиев.
1940-е гг.*



*А. Даниялов, Г. Цадаса, А. Тахтаров, А. Алиев,
И. Мещанинов. 1947 г.*



В кругу ученых